

*Посвящается памяти Дэвида Маршалла
и других мужчин и женщин
из Интернациональных бригад,
которые сражались с фашизмом в Испании
и сложили в этой битве свои головы*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	11
Введение	
<i>Гражданская война восемьдесят лет спустя</i>	15
Глава 1 <i>Расколотое общество: Испания накануне 1931 года</i>	33
Глава 2 <i>Вызов слева, 1931–1933</i>	58
Глава 3 <i>Противостояние и заговор, 1934–1936</i>	90
Глава 4 <i>«Карта Испании сочтена кровью»: от мятежа к гражданской войне</i>	130
Глава 5 <i>«За кулисами джентльменского соглашения»: великие державы предадут Испанию</i>	166
Глава 6 <i>«Мадрид в сердце»: центральный эпос</i>	197
Глава 7 <i>Политика за линией фронта: реакция и террор в Граде Божиим</i>	236
Глава 8 <i>Политика за линией фронта: революция и террор в Граде Дьяволовом</i>	269
Глава 9 <i>Поражение в рассрочку</i>	310
Глава 10 <i>Мир Франко</i>	351
Эпилог	371
Основные действующие лица	379
Глоссарий	382
Список сокращений	384
Библиографический очерк	386
Об авторе	425
Предметно-именной указатель	427

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первую версию этой книги я написал в 1986 году. Моя цель состояла в том, чтобы снабдить нового читателя удобным путеводителем в библиографическом лабиринте, который образовался после того, как гражданская война в Испании продолжилась теперь уже в бумажных битвах. К тому времени существовало несколько тысяч книг о гражданской войне в Испании, многие из них выглядели как огромные фолианты. Поток публикаций не иссякал, и в 1996 году я переписал книгу заново — с учетом публикаций, вышедших на протяжении десятилетия после ее первого издания. На тот момент я и представить себе не мог, сколько всего еще произойдет. Затем, в 2006 году, я создал еще одну, существенно расширенную версию, попытавшись учесть весьма значительный массив исследований, опубликованных после 1996 года на испанском, каталанском, английском и других европейских языках. В основу этого труда также легли мои собственные продолжающиеся исследования Франко, франкистских репрессий и роли Муссолини в гражданской войне в Испании. В последующие годы поток информации не прекращался, и в этом новом издании* я учитываю наиболее важные достиже-

* Обновленное оригинальное издание вышло в 2016 году. — *Прим. ред.*

ния в знаниях о войне, а также опираюсь на свои недавние исследования о роли Франко, об убийствах мирных жителей за линией фронта с обеих сторон, об антиклерикальных преследованиях, о бомбардировке Герники и о том, как закончилась война.

Издание 2006 года неминуемым образом оказалось намного (на 50%) длиннее, чем версия 1996 года, а в этом издании добавлен дополнительный материал, появившийся в ходе новейших исследований. Как и три более ранние версии, книга направлена скорее на осмысление, чем на описание войны, и все же здесь даже еще шире, чем раньше, — чтобы передать атмосферу изучаемого периода — используются цитаты из источников того времени. Автор не ставил перед собой цель нащупать идеальный баланс между позициями обеих сторон, принимавших участие в войне. Я прожил несколько лет при диктатуре Франко. Невозможно было не знать о репрессиях против рабочих и студентов, о цензуре и тюрьмах. Еще в 1975 году продолжались казни политических заключенных. Несмотря на все заявления сторонников Франко, я не верю, что Испания хоть что-либо выиграла от военного мятежа 1936 года и победы националистов в 1939 году. Долгие годы, посвященные изучению Испании до, во время и после 1930-х годов, убедили меня, что Испанская Республика, пусть даже совершила много ошибок, была попыткой улучшить жизнь униженных и оскорбленных членов репрессивного общества. Мечь Франко и его сторонников за подобного рода «безумие» стала жестокой и беспощадной. Все это означает, что я не слишком сочувствую испанским правым, — хотя, смею надеяться, понимаю их резоны.

Мой интерес к Испании пробудился на семинаре для аспирантов, который вели Хью Томас в Редингском университете и Хоакин Ромеро Маура в Оксфорде. Я многому научился за долгие годы дружбы с Гербертом Саутвортом, который всегда щедро делился со мной своими знаниями и был крайне гостеприимен. Работая над изданием 1996 года, я понял, сколь много я почерпнул из многолетних бесед с Рэймондом Карром, Норманом Купе-

ром, Денисом Смитом, Анхелем Виньясом, Хулианом Касановой, Херонимо Гонсало и Мартином Блинкхорном. В 1990-х годах историография гражданской войны в Испании претерпела глубокие изменения благодаря исследованиям Анхелы Сенарро, Хелен Грэм, Джеральда Хаусона, Энрике Морадельюса, Альберто Рейга Тапиа, Франсиско Эпиносы Маэстре и Исмаэля Саза. Чтение этих работ — и многочасовые беседы с их авторами — по-прежнему обогащают меня новым материалом и идеями.

Мои друзья Пол Хейвуд и Шила Эллвуд оказали мне неоценимую поддержку в период работы над первой версией книги. При подготовке второго издания их роль взяла на себя Хелен Грэм; также плодотворным оказался обмен идеями и информацией с Хилари Рагер и Франсиско Эпиносой Маэстре. Я также был благодарен Франсиско Морено Гомесу, Изабело Эррерос и Луису Мигелю Санчесу Тостадо за помощь в решении конкретных вопросов. В последующие годы мне удалось извлечь множество преимуществ из постоянного общения с Линдой Полфриман, Борисом Володарским, Кармен Негрин, Анхелем Виньясом, Франсиско Эпиносой Маэстре, Фернандо Эрнандесом Санчесом, Хавьером Серверой Хилем, Энрике Листером Лопесом, Аурелио Мартином Нахерой из Фонда Пабло Иглесиаса и Серхио Мильяресом из Фонда Хуана Негрина.

Моя жена Габриэль остается самым пронизательным моим критиком. Учитывая подобный состав команды друзей, всегда готовых прийти на помощь, кажется удивительным, что в той или иной книге все равно могут обнаружиться свои недостатки. И все же, как ни прискорбно, это так; в любом случае вина за них лежит исключительно на мне.

ВВЕДЕНИЕ

Гражданская война восемьдесят лет спустя

19 октября 2005 года 90-летний Сантьяго Каррильо был удостоен звания почетного доктора Автономного университета Мадрида. Каррильо — важная, пусть и не бесспорная, фигура в движении сопротивления диктатуре Франко — состоял в должности генерального секретаря Коммунистической партии Испании (КПИ) на протяжении трех десятилетий, с 1956 по 1985 год. Присуждение ему степени почетного доктора стало в первую очередь признанием его роли в борьбе за демократию и его «исключительных заслуг, особенно в области политики национального примирения, а также решающего вклада в процесс демократических преобразований в Испании». Каррильо получил широкое признание благодаря той умеренной и сдерживающей роли, которую он сыграл на решающем этапе перехода от диктатуры к демократии. Однако во время гражданской войны, в возрасте двадцати одного года, он был начальником службы безопасности в мадридской Хунте обороны, когда в Паракуэльосе убили большое количество заключенных, поддерживавших правых. Ровно поэтому церемонию вручения степени сорвали воинствующие протестующие, которые принялись скандировать *iParacuellos — Carrillo*

asesino! («Паракуэльос! Каррильо убийца!»). Каррильо уже не раз оказывался объектом жестоких нападков со стороны ультраправых. Из-за своей предполагаемой роли в убийствах в Паракуэльосе он подвергался атакам с самого момента своего возвращения в Испанию в 1976 году. 16 апреля 2005 года Каррильо должен был выступить на презентации книги историка Сантоса Хулиа «Две Испании», но в книжный магазин ворвались крайне правые и принялись громить все и вся. Недели не прошло, как на стене, прилегающей к многоквартирному дому, где он жил, появились граффити: «Вот так начиналась война, и мы победили», «Каррильо, убийца, мы знаем, где ты живешь» и «Где испанское золото?».

Все эти инциденты показывают, сколь остро в современной Испании воспринимается проблема гражданской войны. По географическому масштабу, по человеческим трагедиям, не говоря уже об ужасах, связанных с использованием технологий, гражданская война в Испании уступает более поздним конфликтам. И все же о ней написано около 30 000 книг — литературная эпитафия, которая делает ее сопоставимой со Второй мировой войной. Отчасти это отражение того факта, что даже после 1939 года война между победоносными националистами Франко и побежденными и изгнанными республиканцами не прекратилась. Более того, по крайней мере для иностранцев, сохранение интереса к испанской трагедии было тесно связано с долголетием победителя в этой войне. То, что генерал Франко, захвативший власть с помощью Гитлера и Муссолини, оставался диктатором на протяжении десятилетий, воспринималось как оскорбление — вызывавшее ярость противников фашизма во всем мире. Более того, разрушение демократии в Испании нельзя было считать всего лишь постепенно отмирающим пережитком униженный периода «умиротворения». Вместо того чтобы попытаться загладить рубцы гражданской войны, Франко, напротив, больше, чем кто-либо другой, сделал все для того, чтобы эта война оставалась актуальной и злободневной проблемой — как внутри Испании, так и за ее пределами.

Напоминания о том, что франкизму удалось одержать победу над международным коммунизмом, часто использовались для того, чтобы привлечь к себе расположение внешнего мира. Особенно драматичным образом это проявилось сразу после Второй мировой войны, когда предпринимались отчаянные попытки отмежевать Франко от его бывших союзников из стран «оси». В связи с этим акцент делался на его враждебности к коммунизму — а его столь же яростное противодействие либеральной демократии и социализму сознательно затушевывалось. На протяжении всего периода холодной войны неоспоримый антикоммунизм националистической стороны в гражданской войне использовался для создания образа Франко как оплота западной системы; он был «часовым Запада», как любили выражаться его пропагандисты. В самой Испании воспоминания о войне и последовавших за ней кровавых репрессиях старательно подпитывались, чтобы сохранить актуальность так называемого «пакта крови». Диктатора поддерживала разнородная коалиция: привилегированные землевладельцы, промышленники и банкиры, а также те, кого можно было бы назвать «обслуживающими классами» франкизма: представители среднего и рабочего классов, которые по каким-либо причинам — из оппортунизма, по убеждению или просто в силу того, что они оказались в годы войны на территории, контролировавшейся франкистами, — связали себя с режимом; наконец, те простые испанские католики, которые встали на сторону националистов, сочтя их защитниками религии, закона и порядка. Напоминания о войне использовались как средство сплочения и поддержания колеблющейся лояльности любой из этих групп — или их всех.

Принадлежавшие к привилегированным слоям обычно отстранялись от диктатуры и с презрением относились к ее пропаганде. Однако те, кто был причастен к коррупции и репрессиям режима, выгодоприобретатели от убийств и грабежей, оказались особенно восприимчивы к намекам на то, что между ними и мстостью их жертв стоит только Франко. В любом случае для многих из тех,

кто служил диктатору в качестве полицейских, гражданских гвардейцев, скромных *серенос* (ночных сторожей) или *портерос* (швейцаров), в рамках принадлежности к гигантской бюрократии единой партии Франко «Движение» (*Мовимьенто*), в ее профсоюзной организации или в огромной сети ее газет и журналов, гражданская война была важнейшей частью их биографии и их системы ценностей. Им предстояло создать то, что в 1970-х годах стало известно как «бункер» — сообщество нестигаемых франкистов, готовых сражаться за ценности гражданской войны на руинах Рейхсканцелярии. Аналогичное и даже еще более опасное обязательство было выдвинуто преторианскими защитниками наследия того, что испанские правые в широком смысле называют «18 июля» (дата военного мятежа 1936 года). С 1939 года армейских офицеров учили в академиях, что вооруженные силы существуют для защиты Испании от коммунизма, анархизма, социализма, парламентской демократии и регионалистов, которые хотели разрушить единство Испании. Соответственно, после смерти Франко «бункеру» и его военным сторонникам предстояло предпринять попытку еще раз уничтожить демократию в Испании — во имя победы националистов в гражданской войне.

Для этих ультраправых усилия националистической пропаганды, направленные на поддержание ненависти времен гражданской войны, возможно, были избыточными. Однако режим явно считал их необходимыми для испанцев, менее лояльных партии, — которые поддерживали Франко пассивно: кто-то совсем неохотно, кто-то с определенным энтузиазмом. Католикам и представителям среднего класса, которых ужасала (нарисованная правой прессой) картина антиклерикализма республиканцев и учиненных ими беспорядков, приходилось закрывать глаза на наиболее неприятные аспекты кровавой диктатуры из-за постоянных и форсируемых напоминаний о войне. Через несколько месяцев после окончания военных действий начала публиковаться объемная «История крестового похода», выходившая еженедельными выпусками. Она прославляла героизм побе-

дителей и изображала побежденных как обманутых Москвой: либо как жалких корыстных людишек, либо как помешанных на крови палачей, упивающихся садистскими зверствами. Вплоть до 1960-х годов поток публикаций, многие из которых предназначались для детского чтения, представлял войну как религиозный «крестовый поход» против коммунистического варварства.

За плотно запечатанными границами франкистской Испании побежденные республиканцы и симпатизировавшие им иностранцы отвергли франкистскую интерпретацию, согласно которой гражданская война была битвой сил порядка и истинной религии против еврейско-большевистско-масонского заговора. Вместо этого они методично твердили, что война представляла собой борьбу угнетенного народа, стремящегося к достойной жизни, против сопротивления отсталых землевладельческих и промышленных олигархий Испании и их нацистских и фашистских союзников. К сожалению, разделенные глубокими разногласиями в вопросе о причинах своего поражения, они не сумели представить столь же монолитное и последовательное видение войны, как их оппоненты-франкисты. Результатом стало ослабление их коллективного голоса. Однако вовлеченные в бурные споры о том, удалось бы им победить националистов, разверни они народную революционную войну, за которую выступали анархисты и троцкисты, противопоставляя ее ведению обычных военных действий, за что выступали республиканцы, социалисты и набиравшие силу коммунисты, они чрезвычайно обогатили литературу о гражданской войне в Испании.

После этого в дебаты относительно «войны или революции» вступили сторонники республиканцев, неспособные смириться с поражением левых. В эпоху холодной войны такого рода дискуссии использовались для распространения представления о том, будто именно сталинистское удушение революции в Испании обеспечило победу Франко. Ради пропаганды этой идеи финансируемый ЦРУ Конгресс за свободу культуры спонсировал создание нескольких работ о гражданской войне.

Противоестественный союз анархистов, троцкистов и бойцов холодной войны оказался успешен — в результате чего тот факт, что за победу националистов ответственны Гитлер, Муссолини, Франко и Чемберлен, а не Сталин, остался в тени. Тем не менее новые поколения продолжают открывать для себя гражданскую войну в Испании, иногда выискивая параллели с национально-освободительной борьбой во Вьетнаме, на Кубе, в Чили и Никарагуа, а иногда просто стремясь обрести в испанском опыте идеализм и жертвенность, столь очевидно отсутствующие в современной политике.

Значимость гражданской войны для защитников Франко и для левых по всему миру не в полной мере объясняет то внимание, которое испанский конфликт привлекает к себе и сегодня со стороны гораздо более широких социальных групп. Ведь по сравнению со Второй мировой войной, Кореей и Вьетнамом он может показаться мелочью. Как отметил Рэймонд Карр, после Хиросимы или Дрездена бомбардировка Герники кажется «незначительным актом вандализма». И все же это событие вызвало более ожесточенные споры, чем, пожалуй, любой другой инцидент эпохи Второй мировой войны. И дело тут не в силе картины Пикассо, как полагают некоторые, а в том, что Герника стала первым случаем полного уничтожения воздушной бомбардировкой незащищенной гражданской цели. Соответственно, гражданская война в Испании огнем впечатана в европейское сознание не просто как репетиция грядущей большой мировой войны, но и как предвестник открытия шлюзов для новой и ужасающей формы современной войны, внушающей страх.

Мужчины и женщины, рабочие и интеллектуалы ринулись вступать в Интернациональные бригады именно потому, что разделяли коллективный страх перед тем, что может означать поражение Испанской Республики. Левые уже в 1936 году ясно увидели то, что даже демократически настроенные правые на протяжении последующих трех лет предпочитали игнорировать: Испания оказалась последним оплотом против ужасов гитле-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru